

ное ущемление своих материальных интересов для блага крепостных. Шемящей душу иронией обрамлены хотиловский «Проект в будущем» и так называемые либеральные сцены «Спаской полести», изображающие просвещенного государя.

Ироническое окаймление иррадирует и на их содержание, размывая веру в несбыточные, хотя и прекрасные надежды на мирное утверждение вольности в России. Именно к этим главам в наибольшей степени относятся слова Герцена о своеобразной роли иронии в «Путешествии» Радищева. «С восторженными идеалами того времени, — писал Герцен, — Радищеву пришлось жить в России — слезы, негодование, сострадание, и р о н и я — р о д н а я н а ш а и р о н и я, и р о н и я — у т е ш и т е л ь н и ц а, м с т и т е л ь н и ц а (разрядка моя. — *К. Р.*) — все это вылилось в его превосходной книге»²⁵.

Страстная нетерпимость к рабству — крепостничеству роднит Радищева и заокеанских сторонников освобождения негров. Но если противники рабства за океаном еще надеялись в то время на мирное разрешение этой проблемы в независимой Америке, то русский писатель приходит к убеждению в неотвратимости и желанности крестьянской революции в России.

Радищева в «Путешествии» отличает исключительно трезвое понимание реальной исторической ситуации в России.

Первый русский революционер А. Н. Радищев жадно впитывал все самое прогрессивное, что несло в себе американское революционное движение, и творчески использовал этот опыт, преломив его сквозь призму самобытной истории своей страны.

²⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах, Изд-во АН СССР, М., 1958, т. XIII, с. 272, 273.